

Русские из Китая. Судьбы репатриантов 40—50-х годов XX века

© 2009

Е. Таскина, И. Мухин

Авторы статьи, изучив биографии более 650 переселенцев из Китая, воссоздают картину их репатриации на родину, повествуют о судьбах людей разных профессий, адаптировавшихся к новым для них условиям и нашедших свое место в жизни.

Ключевые слова: репатриация, переселенцы, Харбин, Шанхай, востоковеды, писатели-эмигранты, ГУЛАГ.

Трагические события прошлого столетия, в центре которых оказалась Россия (революция 1917 г., гражданская война, Вторая мировая война), вызвали волны эмиграции, выбросившие из страны миллионы людей как на Запад, так и на Восток. Сотни тысяч наших соотечественников оказались в Китае, главным образом в Харбине.

После окончания Второй мировой войны, в конце 40-х и затем в середине 50-х годов прошлого века состоялся массовый разъезд европейского населения из Китая. Часть наших соотечественников уехала на Запад, часть — на свою историческую родину. Репатриация русских из Китая коснулась десятков тысяч людей.

Как проходила репатриация? Как обустроивались эти люди в стране, еще полностью не оправившейся от войны? Как были встречены на местах? И как в итоге сложились их судьбы на исторической родине? На эти вопросы попытались ответить авторы данной статьи. С учетом личного жизненного опыта, на достоверном человеческом материале, собранном из разных источников, авторы раскрывают эту тему, ознакомившись с биографиями свыше 650 репатриантов¹.

Все они жили в Китае как бы в русском "культурном анклав", сохраняя в чистоте родной язык, традиции и вероисповедание, одновременно приобщаясь к культурным ценностям Востока и Запада. Многие из них получили специальное образование в высших и средних учебных заведениях Харбина и Шанхая, свободно владели иностранными языками.

Первыми репатриантами из Китая в СССР в 1947 г. были русские шанхайцы и тяньцзиньцы². Репатриация была вызвана нестабильной политической обстановкой в Китае, гражданской войной в стране.

После оформления документов в Генконсульстве СССР и ажиотажной погрузки в один из сентябрьских дней 1947 г. турбоэлектроход "Ильич" с русскими на борту по реке Вампу и далее — по реке Янцзы вышел в Восточно-Ки-

Таскина (Кириллова) Елена Петровна, кандидат педагогических наук. Тел.: 8(495) 438-24-96.
Мухин Измаил Алексеевич, инженер-конструктор, выпускник Северо-Маньчжурского университета в Харбине. Тел.: 8(495) 438-24-96.

тайское море и взял курс на порт Находка. Вторая группа русских из Тяньцзиня отплыла на родину на теплоходе “Гоголь”.

По прибытии в Находку репатрианты были определены в города центральной части России, Урала и Сибири по их выбору — главным образом, в Казань, Пермь и Свердловск. К месту назначения ехали в теплушках, питаясь весьма скудно (выданной им селедкой и тем, что удавалось выменять на вокзалах, жертвуя, главным образом, своей дефицитной в те послевоенные годы одеждой). Однако, судя по воспоминаниям Н. Ильиной, Л. Хаиндровой и других переселенцев, это не очень их смущало. Ведь они ехали на Родину. В СССР — стране, где только что окончилась тяжелейшая война, трудно было рассчитывать на материальное благополучие и комфортные условия жизни, и люди это понимали. Так или иначе, расселившись по городам, они находили свое “место под солнцем” — жили в первое время на частных квартирах, устраивались на работу, продолжали учебу. После репатриации высшие учебные заведения Казани, Свердловска и других городов пополнились десятками русских студентов из Китая, которые стремились получить дипломы по разным специальностям.

Однако через некоторое время тень репрессий послевоенных лет легла и на репатриантов из Китая. Многих “не досчитались”. По несколько лет (до 1956 г.) провели в ГУЛАГе : М. Спургот, Леван Хаиндрава, А. Хейдок, А. Слободчиков и другие.

В 1954—1955 гг. репатриация охватила и русское население Маньчжурии и городов Северного Китая. Уже окончилась гражданская война, была образована КНР, и жизнь налаживалась, но после передачи Китаю советским правительством прав на КЧЖД и другие советские и советско-китайские предприятия русских специалистов, совсем недавно востребованных в больших городах (Харбине, Дальнем, Мукдене, Хайларе) и на станциях железной дороги, стал вытеснять китайский технический персонал. Обучение в Харбинском политехническом институте (ХПИ), готовившем кадры русских инженеров и экономистов, стало проводиться на китайском языке. Многие средние специальные учебные заведения были закрыты. Так, перспектива получения русской молодежью образования в Харбине — городе, который в течение полувека был крупным культурным центром русского дальневосточного зарубежья, таяла на глазах...

Те годы совпали с движением в Советском Союзе по освоению целинных и залежных земель, что, очевидно, стало поводом для “целевой” репатриации всех русских из Китая.

“На пасхальной неделе 1954 года, когда Харбин был залит весенним солнцем и был объят праздничным настроением, — вспоминала Н.П. Разжигаева, — было объявлено о решении Советского правительства предоставить возможность выезда всем желающим на целину...”. Молодежь ликовала, но город разделился — не все решались отправиться на родину в таком “качестве”. Свежи еще были в памяти и аресты тысяч ни в чем неповинных людей в августе-сентябре 1945 г. Но, в целом, “русский Харбин” стал собираться на целину.

Как вспоминает далее Н.П. Разжигаева: “Тогда же загремели свадьбы, харбинские магазины работали как никогда, все ненужное — недвижимое, хозяйство продавалось (как правило, за бесценок), личные документы и всякие справки собирались и подавались на легализацию в Генконсульство СССР...”³.

Такая же картина наблюдалась и в других городах Северного Китая.

За несколько месяцев консульскими сотрудниками была проведена огромная работа по отправке тысяч людей, пожелавших выехать на родину. Пар-

тии переселенцев собирали по семейному принципу, к ним присоединяли одиноких людей.

В летние месяцы 1954 г. и в следующем 1955 г. в направлении китайско-советской границы шли эшелоны с людьми. На станции Маньчжурия вещи перегружались в “теплушки”, — вообще-то, не очень комфортабельные вагоны, но удобные для перевозки людей с большим багажом. (Люди везли все необходимое для жизни на новом месте).

Все испытывали волнение — тяжело было расставаться с местами, ставшими второй родиной, где было прожито столько лет, с домом, могилами родных и близких, с любимыми вещами и животными (никакой живности брать не разрешалось).

На советской территории в Отпоре проверялись паспорта, производился пограничный таможенный досмотр, и переселенцы получали подъемные деньги — 3000 руб. на главу семьи и по 600 руб. на каждого члена семьи. Тут же объявляли о месте назначения.

Репатриантов принимали новосибирская, красноярская, курганская и другие области России, а также Казахстан с его обширной территорией, где интенсивно поднимались целинные земли и уже осенью ждали богатых урожаев.

Вот как описывает в своих путевых заметках долгий (15 и более суток) путь к месту назначения Лидия Хаиндрова.

“Первые впечатления. На станциях разруха, беспорядок. Порой слышится “ненормативная лексика”. Люди одеты бедно, продуктов питания мало. Понимаем: совсем недавно только окончилась война.

Но это — земля предков. И какой захватывающий дух, простор, дивная и, главное, — родная природа!” Разумеется, приходили на ум сравнения. “Какая разница между этим пейзажем и китайским, — писала Лидия Хаиндрова. — Там почти всегда навстречу бегут возделанные поля, а по ним разбросаны холмики, это — могилы предков. А здесь — огромные пространства, к которым еще не прикоснулась человеческая рука... “Славное море, священный Байкал”, проезжая озеро пели все. Чита — маленькая... Иркутск — хороший, большой. Первый собор в пути и церковь в предместье, похожая на Николаевский собор в Харбине. Как правило, церквей нет совершенно. На могилах и кресты, и звезды... Кому-то понравился Челябинск — его мощеные улицы, красивые дома, оперный театр чуть-чуть напоминали Харбин...⁴” От подобных сравнений русским переселенцам уйти было невозможно и в дальнейшем — при встрече с другим укладом жизни.

Что ждало репатриантов в местах назначения? Много зависело от руководителя принимающего района и его организаторских данных. Что касается местных жителей в сельских районах, то они смотрели на приехавших “русских китайцев” с любопытством и удивлением, поражаясь чистоте русского языка приезжих.

В опубликованных воспоминаниях отмечается и внимательное, по-человечески теплое и заботливое отношение к людям, и небрежное, подчас даже грубое (“Не пойдете сейчас месить кизяк — дети не получают молока!”). Но думается, что в целом, представители власти делали, что могли в те трудные послевоенные годы, а главное — не удерживали людей, которые имели лишь туманное представление о сельской жизни. (В своей среде чувствовали себя, наверное, лишь бывшие жители Трехречья и станций по линии КВЖД, привыкшие вести свое хозяйство).

Большинство переселенцев, не встречая особых возражений со стороны руководства совхозов, расселялось по ближайшим городам, пробыв на целине в период уборки урожая от нескольких месяцев до года. Были востребованы в сельских больницах и поликлиниках все медики, приехавшие из Китая с дипломами учебных заведений среднего специального и высшего медицинского образования. Некоторые остались на целине или в “целинных” городах — Кустанае, Кокчетаве и др. — надолго.

Рассмотрев по имеющимся источникам⁵ свыше 650 биографий переселенцев, прибывших из Китая, можно сделать вывод, что люди активного возраста сумели адаптироваться к новым условиям жизни в городах Сибири и Дальнего Востока, а также в центральной части России и других республиках. Этому способствовало внимательное отношение властей к переселенцам, обеспечение их жилой площадью и работой по специальности. Для всех желающих были открыты двери учебных заведений.

Наибольшее число специалистов среди приехавших составляли **инженеры** различного профиля. Это были воспитанники высших учебных заведений Харбина и Шанхая — ХПИ, СМУ⁶ и других высших технических центров в Китае. Среди рассматриваемых биографий они составляют 127 чел. (19,5%). Молодежь поступала учиться в высшие учебные технические заведения страны. Так, в СССР получили дипломы инженеров еще 85 чел.

Среди инженеров, как правило, быстро поднимавшихся по служебной лестнице (от техника до главного инженера проекта и предприятия), находим большое число изобретателей и рационализаторов, получивших признание. Учившийся в Шанхайском высшем техническом центре Г.В. Кривошеев стал одним из ведущих конструкторов в области проектирования и производства мощных шагающих экскаваторов. Кандидат технических наук М.А. Син являлся автором ряда научных трудов и десяти изобретений в области гидромашиностроения, два из которых запатентованы за рубежом. Н.В. Суторихин, доктор технических наук, автор более 100 научных трудов, за свой вклад в науку в 1993 г. был объявлен “Человеком года” Международным биографическим центром в Кэмбридже. Выпускник ХПИ В.С. Мионов, профессор, автор более 50 научных работ, один из первых в СССР издал учебное пособие по применению ЭВМ в расчетах оснований и фундаментов. Выпускник ХПИ Г.О. Павлючик, кандидат технических наук, читал лекции в Новосибирском строительном институте, стал автором 130 научных трудов. А.Г. Водопьянов, начав работать на родине молотобойцем, стал доктором технических наук. Выпускник ХПИ, доктор математических наук Д.А. Мыслин, автор 30 опубликованных научных трудов, стал членом Международной энергетической академии. Результаты исследований кандидата технических наук А.А. Кашина были внедрены в нефтехимическое производство. Под руководством А.Е. Волгина, более 30 лет проработавшего в Электропроекте Новосибирска, разработано множество проектов предприятий цементной промышленности на Урале и в Сибири. За 30 лет работы в Оренбурге выпускника ХПИ В.А. Костина под его руководством были построены сотни километров автодорог с асфальтовым покрытием и несколько железнодорожных мостов. После прибытия на родину в 1947 г. успешно работал по проектированию электротехнических сооружений гидроэлектростанций выпускник СМУ инженер Е.Н. Кирьяков. Из числа инженеров старшего поколения с дипломами ХПИ в Москве работал В.И. Чистяков, эксперт по строительству паровых котлов и паровых электростанций. В Иркутском институте народного хозяйства занимал долж-

ность заведующего кафедрой железобетона известный строитель Харбина, специалист старой российской технической школы В.А. Барри. При этом многие дипломированные инженеры стремились повысить свою квалификацию с помощью заочного обучения в центральных вузах страны.

Уже в Советском Союзе получили докторскую степень и стали профессорами 16 чел. Кандидатами наук, работавшими преподавателями в вузах или научно-исследовательских институтах в различных областях, — свыше 30 чел. Лауреатами Государственных премий — 9 чел.

Наиболее популярными после инженеров и техников были переселенцы с медицинским образованием. Все **медики** с дипломами высших и средних медицинских учебных заведений Харбина и Шанхая были востребованы не только в сельской местности, но и в городах. Более 20 чел. получили высшее медицинское образование уже после приезда на родину.

Назовем лишь некоторых из них: доктор медицинских наук, нейрохирург Б.М. Никифоров; доктор медицинских наук, кардиолог И.В. Неверов (автор 6 изобретений и свыше 100 научных публикаций); Г.Н. Назаров, защитивший докторскую диссертацию в области судебной медицины (автор 100 научных работ и 5 монографий); А.П. Логинов, кандидат медицинских наук, занимавшийся научной и практической медициной и имевший авторские свидетельства в области реконструкции и пластической хирургии трахеи и бронхов. Окончивший в Шанхае университет “Аврора” и имевший большой опыт работы врача-практика за рубежом В.П. Смольников занимал ответственные посты в Москве, издал книгу “Записки шанхайского врача”. Академиком РАМН стал доктор биологических наук, профессор В.И. Иванов, бывший в течение ряда лет директором Института медицинской генетики АМН в Москве.

На целине работал врач П.П. Добрынин, получивший образование на японском языке в Харбинском медицинском институте и позже ставший кандидатом медицинских наук. Кандидат медицинских наук А.Ф. Исакин работал в Донецке старшим научным сотрудником и опубликовал свыше 100 научных работ (является автором 7 изобретений и 4 рационализаторских предложений в области горноспасательного дела). Е.В. Валентинович — хирург госпиталя в г. Красноярске, защитил кандидатскую диссертацию и опубликовал 26 научных трудов. Талантливый врач-хирург, зарекомендовавший себя еще в Харбине, Г.В. Кислицын, приехавший в Грозный в 1961 г., заведовал там детским хирургическим отделением 11-й городской больницы. Написал ряд учебных пособий для студентов-медиков и врачей. Кандидат медицинских наук, врач-офтальмолог С.Л. Голубев проработал 40 лет в Самарском медицинском институте.

Владея китайским и японским языками, а также знаниями в области духовной и материальной культуры Востока, переселенцы из Китая внесли свой вклад в развитие **российского востоковедения**. А.Г. Малявкин, получивший в Новосибирске степень доктора исторических наук, опубликовал ряд научных статей и монографий; кандидат исторических наук В.С. Таскин — автор многих трудов и переводов с китайского языка; доктор исторических наук В.С. Стариков — автор многих научных трудов и известной монографии “Материальная культура китайцев” (Л., 1967). Сотрудник Института востоковедения РАН Л.И. Чугуевский, выпускник восточно-экономического факультета ХПИ, работая в области древних китайских текстов, опубликовал монографию “Китайские документы из Дуньхуана” (М., 1983) и около 30 научных трудов. Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории, действи-

тельный член Международной Академии информации при Экономическом и Социальном Совете ООН Г.В. Мелихов издал ряд книг по истории русско-китайских отношений и дальневосточной ветви русской эмиграции (“Россия и Цинская империя на Дальнем Востоке” (М., 1989); “Маньчжурия далекая и близкая” (М., 1994) и др.). Работал с аспирантами при Академии наук Казахской ССР в Алма-Ате старейший русский синолог Маньчжурии И.Г. Баранов. (Его уникальные труды по материальной и духовной культуре Китая были изданы в России в 1999 г.). С.В. Неверов стал доктором филологических наук, профессором МГИМО, автором целого ряда учебных пособий по японскому языку и был удостоен Государственной премии за участие в составлении “Большого японско-русского словаря” (1979). О.П. Фролова, профессор, доктор наук, преподаватель японского языка в Новосибирском университете была награждена в 2007 г. орденом Японии. Более 50 лет посвятил преподаванию японского и китайского языков в Хабаровске востоковед и переводчик Г.Г. Пермяков. Э. Каттай преподает японский язык и работает переводчиком японского языка в Риге. В Киеве и Одессе работал переводчиком японского языка Е.Ф. Сенкевич и был награжден за свою работу орденом Дружбы народов... Назовем еще имена специалистов по японскому языку — Е.В. Цвилова, Л.А. Стрижака, Б.К. Огородникова, В.М. Кима (Москва); по китайскому языку — И.В. Кирсанова, С.И. Елисафенко. Получившая высшее образование в СССР К.Б. Кепинг стала доктором филологических наук, автором более 70 научных работ в области давно забытого в Китае тангутского языка. Свои знания восточных языков применяли в работе в центральных библиотеках страны и редакциях газет М.Я. Сорокина, О.К. Войнюш, А.М. Кайгородов и др. В ТАССе, на Московском радио и телевидении работали Р.Н. Андреев, И.Л. Ефимов, Б.К. Огородников, В.М. Ким, Б.Т. Плотников, Л. Пенжукова, В. Соболевская и др.

Приехавшие из Китая смогли реализовать себя на родине и в области **литературы**. Среди представителей старшего поколения литераторов — автор исторических романов Вс.Н. Иванов, известная писательница и фельетонистка Наталья Ильина, а также Павел Северный, приехавшие из Шанхая в 1940-х гг. П. Северный издал на родине несколько повестей. Роман “Ледяной смех” (Подольск, 2007) вышел посмертно. Арсений Несмелов, самый видный поэт дальневосточного русского зарубежья, погиб по пути в ГУЛАГ, однако его поэтическое наследие дошло до российского читателя благодаря публикациям в литературных журналах и антологиях⁷. Алексей Ачаир (Грызлов), также прошедший испытание ГУЛАГом, освободившись, стихи писал, но этой сфере творчества предпочел музыкально-педагогическую деятельность в одной из школ Новосибирска⁸. Николай Щеголев, известный в Харбине и Шанхае поэт и литератор, также предпочел педагогическую деятельность литературной. Его книга о творчестве В. Маяковского была издана в качестве учебного пособия для средней школы. Лидия Хаиндрова, автор нескольких поэтических сборников, изданных в Харбине и Шанхае, преподавала в школе в Краснодаре и лишь во второй половине жизни обратилась к литературной деятельности. Ее брат, Леван Хаиндрава, поселившись в Тбилиси после 1956 г., стал известным писателем, автором ряда романов, изданных в Москве и Тбилиси.

Книгу о своем возвращении на родину выпустила В. Ефанова (“Домой с черного хода”). Одним из первых об эпопее репатриантов из Китая издал книгу журналист Г. Волокитин (“Бурелом”). Трилогию о жизни русской эмиграции в Китае написал Евгений Орлов (Красноярский край). Среди книг в мемуарном жанре следует также отметить: Л. Дземешкевич (“Харбинцы”), В. Слободчиков

(“О судьбе изгнанников печальной”), Л. Маркизов (“До и после 1945”), В. Левитский (“Город на Сунгари”), Е. Таскина (“Дорогами русского зарубежья”). По-смертно вышла книга воспоминаний И.К. Ковальчука-Коваль “Свидание с памятью”. Т.В. Пищикова издала книги и сборники о литературной деятельности своей бабушки Е.А. Ждан, о поэтессе Л. Хаиндровой и переводчице-японисте М.Г. Григорьеве.

В Россию возвратились **музыканты и драматические актеры**, в свое время создавшие богатую культурную атмосферу, которая была свойственна жизни русского сообщества в Харбине, Шанхае и других городах Китая. Начавшие свою музыкальную карьеру как джазисты еще в Харбине в середине 1930-х гг. братья Олег и Игорь Лундстремы, А. Гравис, братья Владимир и Виталий Серебряковы, Алексей Котяков и другие, приехав в 1947 г. в Казань, продолжили свою деятельность в коллективе под руководством Олега Лундстрема. А сам Олег Лундстрем, бессменный руководитель оркестра в течение 60 лет, автор многих произведений, стал профессором, Народным артистом РСФСР и доктором наук Международной академии Сан-Марино. В.Э. Геринг после окончания Казанской консерватории был руководителем оркестра и главным дирижером Государственного оркестра кинематографии. К.О. Павлючик, бывший хормейстером и регентом церковного хора еще в Харбине, после приезда в СССР 30 лет отдал служению духовной музыке в Новосибирске. Его труд был отмечен орденами Св. Владимира и Сергея Радонежского. Сын известного харбинского хормейстера и композитора И. Райского — Б.И. Райский в течение ряда лет был дирижером Государственного симфонического оркестра в Минске.

В.К. Ижевский, поставивший ряд ярких балетных спектаклей в Харбине, и его супруга Г.И. Сарабун по приезде в СССР были приглашены в Театр музыкальной комедии в Иваново. Они 26 лет отдали Ивановской балетной студии, послав служив делу воспитания молодых талантов.

Кумир харбинской публики В. Лавров (Гурчанинов) выступал в Воронеже, Новосибирске, Омске и других городах в качестве премьеры оперетты. За годы, последовавшие за его освобождением из ГУЛАГа, поставил ряд спектаклей, окончил Государственный институт театрального искусства, получил звание Заслуженного артиста РСФСР.

К сожалению, у пишущих эти строки мало информации о выступлениях на сцене отечественных театров популярных в Китае драматических актеров П. Дьякова, Е. Марулиной и других, в том числе и прекрасной актрисы, которую знали и ценили в Харбине и Шанхае — В. Пановой. Актриса Алла Светланова (А. Дворжицкая), автор двух пьес, которые были поставлены на харбинской сцене коллективом В.И. Томского, по приезде на родину опубликовала воспоминания и статьи. За один из ее очерков о друге детства киноактере Юле Бринере была удостоена премии журнала “Советский экран”.

Ю. Хорош после работы в ряде театров страны стал режиссером на Петрозаводском телевидении, где получил звание Заслуженного артиста Карелии.

Художники Харбина и Шанхая М. Кичигин, В. Подгурский, А. Холодилов, Р. Ананьин на родине преподавали живопись в художественных училищах и средних школах. М. Домрачев работал театральным художником в Новосибирском театре оперы и балета. М. Кичигин и его жена В. Кузнецова-Кичигина привезли на родину свои полотна — результат работы за десятилетия жизни в Китае. Поселившись в 1948 г. в Ярославле, М. Кичигин и В. Кузнецова-Кичигина участвовали в ряде городских, областных и республиканских выставках, а так-

же имели персональные (ретроспективные) выставки в 1989 и 1999 гг. Далеко не все было радужным у этих художников после встречи с родиной, В. Кузнецова-Кичигина была репрессирована и с 1951 по 1956 г. отбывала заключение в Степном лагере в Дзезказгане. В настоящее время их имена достаточно широко известны в России, во многом благодаря публикациям искусствоведа Т. Лебедевой и ее книге “Русские художники Китая”, а также стараниям Ярославского музея изобразительных искусств. В настоящее время уникальное наследие этих художников — привезенные полотна, на которых изображен старый, ушедший в прошлое Китай, хранятся в Ярославле и в ряде музеев страны.

Продолжал заниматься художественным творчеством в Новосибирске известный харбинский художник А. Степанов. Он писал по памяти маньчжурские пейзажи, расписывал российские храмы, однако его прекрасные картины китайского периода рассеяны по частным коллекциям и полной выставки его работ, насколько известно, в России не было. Т.П. Жаспар, учившаяся живописи в Китае (в студиях А.Е. Степанова, М.А. Кичигина, В.С. Подгурского), преуспела как художник-портретист. После репатриации она поселилась в Киеве и принимала участие в выставках, в том числе и за рубежом. Она является автором детской книги “Апельсиновый сад” и иллюстраций к ней.

Следует отметить, что живописи в Харбине и Шанхае, как и музыке, училось огромное количество людей, и способные к искусству люди, имея разные профессии, в дальнейшей жизни, как правило, не забывали своих увлечений. Так выпускник СМУ, инженер-экономист Н.Я. Кожевников, учившийся живописи в харбинской студии Клементьева, 40 лет отдал служению культуре в маленьком уральском городке Ревда Свердловской области. Вместе с другими художниками создал музейную экспозицию истории города, сохранившую облик старого горнозаводского поселка с демидовских времен. В.Б. Городилина, приехав на родину из Шанхая в 1947 г., поселилась в Алапаевске, где организовала музей, посвященный П.И. Чайковскому, и создала редчайшую коллекцию музыкальных инструментов. За свою многолетнюю самоотверженную работу она была награждена премией Академии имени Демидовых.

Видным деятелем в области культуры стал кандидат искусствоведения, профессор Г.Б. Зайцев (Екатеринбург). В СССР он получил два высших образования, являлся автором двух книг и многих статей по истории искусства. Был удостоен ряда правительственных наград и медалей. Инженер, выпускник ХПИ Г. Мыслин фотографировал в Харбине реликты прошлого — еще сохранившиеся старые здания, построенные русскими архитекторами, в результате чего в Новосибирске вышел фотоальбом, посвященный столетию Харбина — “Харбин 20-х-40-х годов в современном городе”. (Г.И. Мыслин, 1998).

Свой вклад в спортивную жизнь России внесли **спортсмены**, прибывшие на родину из Харбина и Шанхая, а известный в Харбине спортсмен и фотограф В.П. Абламский, прошедший испытания ГУЛАГом, стал героем документального фильма о его трагической судьбе, снятом французским телерепортером. Этот фильм остается, скорее всего, единственным попавшим на экраны ТВ свидетельством о жизни в ГУЛАГе возвратившихся из Китая людей. Однако в печати опубликовано много воспоминаний узников ГУЛАГа о выпавших на их долю тяжелых испытаниях⁹.

1956 г. принес освобождение и последовавшую за ним реабилитацию репрессированных, но бывшие узники из Китая — те, кому посчастливилось выжить, — столкнулись с новыми трудностями, преодолеть которые удалось далеко

не всем. Однако те, кто был “упрямой своей трагической судьбы”¹⁰, возвращались к нормальной жизни. Многим помогло образование, полученное в “русском Харбине”, высокая квалификация, опыт работы за рубежом — тоже в нелегких условиях.

К сожалению, не все смогли вернуться. В частности, не вернулись из ГУЛАГа многие репрессированные из числа старшего поколения. Остались навечно в мерзлой сибирской земле: ученый, историк, проф. Н.И. Никифоров, литератор Ф. Даниленко, поэт Л. Гроссе... Как уже упоминалось, на полу пересылочной тюрьмы умер талантливый поэт Арсений Несмелов.

Такова в целом картина репатриации наших соотечественников из Китая. К сожалению, в одной статье нет возможности перечислить всех, с биографиями которых ознакомились авторы. Нет и сведений о многих специалистах старшего поколения, кто послужил своей родине, но умер еще до того, как стали выходить “земляческие” газеты и журналы, ставшие основным источником для написания данной статьи.

1. На момент публикации статьи в биографических данных, собранных авторами, могли произойти изменения.
2. До общей репатриации в СССР из Шанхая в 1940-х гг. выехали писатель Вс.Н. Иванов и известный артист А. Вертинский.
3. *Разжигалева Н.П.* Поворот судьбы — от Харбина до Челябинска // “Русская Атлантида”. 1999. № 2.
4. *Л. Хаиндрова.* От Находки до Казани: Путевые заметки. // “Русская Атлантида”. 2003. № 10.
5. Газеты “Харбинь”, № (№ 1—7); “На сопках Маньчжурии”, № (№ 1—142); “Русские в Китае”, № (№ 1—55); журнал “Русская Атлантида”, № (№ 1—28) и др.
6. СМУ — Северо-Маньчжурский университет.
7. Произведения А. Несмелова вышли отдельными книгами: под редакцией Е. Витковского (“Без Москвы, без России” (М., 1990); под редакцией А. Колесова (двухтомник) — в 2008 г. в издательстве “Рубеж”.
8. О творчестве Алексея Ачаира вышла книга литературоведа А.А. Забияко (Благовещенск, 2005).
9. О пребывании в ГУЛАГе “увезенных” из Китая написано и издано в России немало воспоминаний: Кауфман А.И. Лагерный врач; Краснопевцев Ю. Реквием разлученным и павшим. Ярославль, 1992; Маркизов Л.П. До и после 1945. Глазами очевидца, Сыктывкар, 2003; Перминов В.В. Наказание без преступления, Чита, 2007; статьи Гайдука Г., Чеусова В., Пасынкова И.Н. и др. В ряде случаев встречаются воспоминания детей о своих репрессированных родителях, как например, И.Б. Абаза, а также Н.А. Анчуговой (Брагиной) на страницах журнала “Русская Атлантида”.
10. Из стихотворения известного “лагерного” поэта А. Жигулина.